

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Рейтинг темного
божества

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства *Ольги Рубис*»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 **Рейтинг темного божества / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.**

ISBN 978-5-04-248025-6

Могла ли подумать сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская, что самая обыкновенная сауна может стать настоящим видением ада. Еще бы — четверо повешенных молодых мужчин покачиваются над бассейном. Даже у видавшего виды начальника «убойного» отдела Никиты Колосова от такого зрелища по спине побежали мурашки. А человек с ножом в груди, найденный на кладбище неподалеку? А фотография, где группа изысканных дам и господ сидит за роскошно сервированным столом, в центре которого лежит труп в смокинге? Нет сомнений — все это звенья одной цепи, но куда, в какие дебри человеческих страстей ведет эта цепь? Что за темное пламя бушует там и требует все новых и новых жертв? Вопросы, вопросы, вопросы... А ответ, как всегда, неожидан и... жуток.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Степанова Т.Ю., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-248025-6

Глава 1

КАНИСТРА С БЕНЗИНОМ

Автострада давно осталась далеко позади. Луна дробилась и таяла на лобовом стекле — сеял мелкий частый дождик. Человек, сидевший за рулем, выключил «дворники». Выключил зажигание. Надо было выходить из машины под дождь. Вставать и идти. Бежать во весь дух, спотыкаться о корни в темноте ночи, раздвигать руками ветки мокрых кустов, ощупью искать дорогу, оступаться, попадая неловкой ногой в ямы и рытвины. Надо было очень спешить.

Но человек за рулем не двигался с места. Смотрел на лобовое стекло, на застывшие «дворники», на луну — там, далеко, высоко и близко, очень близко, здесь, перед самым взором. Он думал о том, что ему делать. И как при этом остаться живым. А еще он думал о том, что его новые итальянские ботинки совсем непригодны для скитаний в дождь по заброшенному кладбищу.

В ночи ухнула сова. Человек за рулем вздрогнул — сова ли это? Ведь он, всю жизнь проживший в городе, никогда не видел и не слышал сов въяве, только по телевизору. Он вообще, оказывается, слишком мало видел и слышал и толком не представлял себе реальности. И от этого прежнего инфантильного «непредставления» сейчас, здесь можно было сойти с ума. Просто рехнуться — от собственной глупости, слепоты, непонимания очевидного.

Человек открыл дверь машины, вылез, сунулся в багажник. Достал увесистый ломик — единственное свое оружие самообороны. Крепко сжал, чтобы почувствовать холод металла и его тяжесть. Если потребуется, он без колебаний сокрушит этим ломом, этой святой палицей череп любому, кто нападет, кто попытается его остановить.

А остановить его попытаются. Всеми доступными способами — это он знал. Ведь для них, для тех, за кем он мчался вдогонку по ночной автострате, сейчас слишком многое поставлено на карту. А для него? Что поставлено на его карту? И какая именно это карта?

Он достал из багажника заранее заготовленную пятилитровую канистру с бензином. Проверил в нагрудном кармане рубашки зажигалку. Что, если она подведет в самый последний момент? Огонь не вспыхнет в ночи, не охватит жадным пламенем то, что должно быть сожжено и уничтожено. Немедленно уничтожено, едва лишь будет выкопано из этой влажной, жирной, тысячи раз удобренной органикой кладбищенской земли. Надо было бы еще захватить с собой и спички — на всякий случай, для подстраховки. Но он об этом не подумал и сейчас, стоя под дождем в странной скованной нерешительности, отчаянно ругал себя за этот промах. Ругал так, словно от этого зависело все.

Но вот наконец, преодолев себя, он шагнул в темноту, забыв и про открытый багажник, и про невключенную автосигнализацию. Все это было из другого мира — привычного, обыденного, повседневного и тут в ночи, под дождем, после сумасшедшей двухчасовой гонки по шоссе уже совершенно нереального. Реальность была только здесь. Мокрая листва коснулась его мокрого лица. Пахло сиренью. Человек начал осторожно продвигаться вперед, прокладывая себе путь через густые кусты. Канистра с бензином оттягивала левую руку. В правой был зажат лом, и раздвигать ветки его

налитой увесистой тяжестью было совсем несподручно. А идти надо было долго. В темноте все ориентиры лгали, но человек помнил: идти по этим зарослям от дороги до самой лощины у подножия холма.

Заросли сирени кончились, сменились боярышником, затем пошел еще какой-то колючий кустарник. А потом на пути снова темной массой встали сиреневые кусты. Мокрая цветочная гроздь оказалась у самого его лица. Человек коснулся ее губами. Цветы, привкус меда... Привкус сладкого меда старых могил. Он перевел дух и снова двинулся напролом. И через пару шагов едва не напоролся животом на низкую железную ограду. Грозь и предупреждая, вверх торчали острые ржавые пики. За ними из темноты выступал покосившийся крест. Вот она, окраина кладбища, — значит, он не заблудился, дошел.

Снова над головой ухнула сова. Издали послышался глухой скрежет, потом удар — будто где-то не близко, не рядом лопатой ударили по камню.

Человек замер. Его прошиб холодный пот. Они уже там, на месте. Значит, они опередили его, подъехали с той стороны, рискнув спуститься по крутому откосу с дороги.

Человек начал торопливо продираться через кусты. Он сунул лом под мышку и на ходу отвинтил крышку у канистры. В нос ударило бензином, от толчка бензином плеснуло на брюки.

Впереди в ночи возник желтый свет. Он слепил глаза — там была машина. Фары включили. При свете фар копать было гораздо удобнее, чем при помаргивании жалких карманных фонариков. Человек снова замер — глаза, дьявол... Ничего не видно. Этот желтый свет... Он посмотрел вверх — дождь, луна. Она высоко стоит над рощей, над кладбищем, над холмом, полями и дорогой. «Луна, сирень... Какая же тут кругом сирень — царская, волшебная. Какой от нее чудный аромат... Боже, какой

аромат... Боже, боже мой, сжался надо мной, я не могу, не хочу идти туда, к ним, мне не хочется умирать, мне не время еще умирать, я не могу, не могу, я не сумею...»

Человек едва сдержался, чтобы не застонать. Сстиснул зубы, приподнял канистру, судорожно нащупал в кармане зажигалку. Вот сейчас это случится. Ничего, та минута — минута паники — прошла, и он снова контролирует себя. Он сможет, он сделает это. Вспыхнет огонь — сначала робкий оранжевый всплеск зажигалки, искра кремня, а потом багровый маяк, костер. И то, что выкопано из этой вонючей могилы, сгорит дотла и уже никогда больше не явит себя миру, не причинит вреда.

Человек резко щелкнул зажигалкой. Он был готов — в раскисших ботинках, на которые было уже плевать, в насквозь промокшей рубашке, с канистрой и ломом, он был готов сражаться не на жизнь, а на смерть.

Вороватый огонек на мгновение осветил кусочек ночи — глянец мокрой листвы, спутанные ветки и... преграждавшую путь, изготовившуюся к броске приземистую фигуру на расстоянии нескольких шагов. Мелькнуло лицо, обезображенное кривой, похожей на оскал улыбкой. Человек вскрикнул от неожиданности и ужаса. Его ждали! Его ждали здесь, в засаде, на подступах. Он ничего не успел предпринять, не успел замахнуться ломом, не успел защититься. Жестокий удар сбил его с ног. Канистра отлетела в сторону. Бензин разлился. Человек упал навзничь и почти моментально почувствовал, как сверху на него навалилась мускулистая тяжесть. Он попытался вырваться, молотя кулаками вслепую, брыкаясь, извиваясь, стоная от ужаса и отчаяния. Но ничего сделать уже было нельзя — словно гигантское осиное жало впилось ему в живот. И вонзилось еще и еще. Последнее, что он ощутил, был вкус крови во рту. Луна подмигнула ему зеленым кошачьим глазом. И медленно растворилась во тьме — уже навечно.

Глава 2

БРАГИН

Время, время — что это такое? Песок, ускользающий сквозь пальцы, прошлогодний снег, дождик четверга, рак на горе, посылающий громким трехэтажным свистом всех подряд в даль светлую. Это та самая дырка от бублика. Тот самый след на берегу, смытый волной. Лицо без морщин и подтяжек, не изуродованное вторым подбородком. Темя без плеши. Совесть без пятен. Победа без поражений. Память без снов о прошлом, без портящих кровь полночных терзаний о том, как должно было быть, но не получилось.

Не получилось что? Жизнь? Карьера? Успех? Стержень, который все крепко держал и вдруг в одночасье крак! — и сломался.

И все полетело вверх тормашками — под откос, подгоняемое пинками времени, — все быстрее, все ниже, все безнадежнее. И как положить этому конец? Что сделать, что предпринять? Покончить со всем разом одним выстрелом в висок? Или сделать над собой усилие, не стрелять, а попытаться... только лишь попытаться, попробовать... попробовать повернуть время вспять и пробить собственной бессмертной душой брешь в его тягучей вечной структуре. Брешь, что станет лазейкой в прошлое, податливое, как глина, подвластное переменам.

Надо сказать, что за свои тридцать семь неполных лет Антон Петрович Брагин никогда, ни единого дня не увлекался философией. В институте, перед экзаменами, как и все студенты времен развитого социализма, конечно же, почитывал конспекты с чахлыми выкладками из классиков марксизма, мог кое-что в двух словах вспомнить и про господина Гегеля, и про господина Канта, даже помнил, что жили. Были такие на свете

Аристотель с Платоном и чему-то там учили под ясным солнцем Древней Эллады, пачками превращая варваров неумытых в эллинов просвещенных. Знал он, естественно понаслышке, и о теории относительности, но никогда не имел желания докопаться до ее сути. А о времени как о категории судил только по наручным часам — дорогим, престижным, естественно, фирмы «Ролекс». Вот секундная стрелка чинно описала полный круг, и время, значит, того, пошло, отсчитывая вехи рабочего дня — долгого, напряженного, сумасшедшего, суперудачного в смысле капиталовложений и прибыли.

Во времена, когда Антон Петрович Брагин носил на запястье золотой «Ролекс», служил он в солидной фирме — центральном офисе металлургического гиганта общероссийского значения «Стальпрокатконсалтинг-групп».

Кто в Москве не знал могучий, похожий на вздыбленный айсберг, увенчанный светящейся голубой пирамидой, новый небоскреб «Стальпрокатконсалтинггрупп», воздвигнутый меньше чем за полгода у Павелецкого вокзала, в деловом треугольнике между Садовым и высотными зданиями «Юкоса» и «Сити-банка»? Стеклоанно-стальная высотка была воистину красивой — как гигантская палочка Коха, парила она над Москвой, над рекой, над вокзалом, над площадью, над Кольцом и его составляющими: машинами и всеми этими махонькими муравейчиками — пешеходами, поделенными волей судьбы на москвичей и приезжих, на льготников разных категорий, на имеющих карточку москвича и лиц без регистрации, на трезвенников и пьяниц, семейных и одиночек, торопящихся по своим делам и праздных лентяев.

Кабинет Антона Петровича Брагина — в те времена одного из менеджеров-брокеров — помещался на девятнадцатом этаже здания. И вид из панорамного

окна открывался знаковый — простор небес, силуэты кремлевских башен в мглистой дымке смога, а внизу броуновское движение, мешанина и хаос, вонючие выхлопы и пот, духота, теснота, неустроенность.

Металлургический гигант «Стальпрокатконсалтинг-групп» просуществовал восемь лет, превратившись из небольшого объединения в очень перспективную, динамически развивающуюся прибыльную компанию — монополиста рынка. Превращение сначала шло на пользу, а потом подвело — «Титаник» потерпел крушение.

О черном месяце декабре (правда, по другим сведениям, это был октябрь) Антон Петрович Брагин вспоминал с болью. Нет, не только с болью — с горячим внутренним протестом — казалось, весь мир с утра пораньше опупел! Встал с ног на голову. В одни сутки прокуратурой был арестован весь совет директоров компании и руководители первого звена, а также менеджеры — управленцы региональных предприятий. Говорили о масштабном мошенничестве, о финансовой пирамиде, о незаконных сделках с собственностью и еще о ста пятидесяти пяти грехах уголовного характера. И почти в одночасье четкий, отлаженный годами управленческий механизм замер — словно по золотым швейцарским часам трахнули молотком. И посыпалось, посыпалось, посыпалось — колесики, винтики, менеджеры, агенты, секретари-референты, специалисты по маркетингу, юристы и программисты, инженеры и техники — все, кто работал в компании, получал жалованье, чувствовал крепкую почву под ногами. Все, кто смело смотрел в будущее, брал кредиты на покупку квартиры, на строительство загородного дома, на образование детей в европейских университетах, на все то, что было целью и смыслом существования.

Винтики и колесики сразу стали никому не нужным барахлом. И одним таким потерянным винтиком в то

скорбное темное время чувствовал себя, еще не веря в случившееся, Антон Петрович Брагин.

На черный день, конечно, кое-что скоплено было. Кое-что... Но деловая карьера, с таким трудом и упорством выстроенная, рухнула на пике взлета. Хрустальные осколки ее хрустели под ногами конкурентов, как простое битое стекло. И давили все, давили эти бедные осколки без жалости — все, кто завидовал, у кого не ладилось, кто пыжился, да не мог обскакать.

Именно тогда, в минуту самого острого отчаяния, Антон Петрович Брагин и задумался впервые о сущности времени, его неумолимом беге и о соотношении в его паутине прошлого, настоящего и будущего.

Память сыграла с ним злую шутку. Он помнил все восемь лет своей успешной карьеры так ясно, так отчетливо, что порой до мельчайших подробностей восстанавливал весь ход событий какого-либо отдельно взятого дня, смысл всех бесед, последствия всех телефонных звонков, встреч, переговоров, анализировал и оценивал, сопоставлял и делал выводы. Он помнил все дни, проведенные в своем кабинете на девятнадцатом этаже. Но жгуче, до сердечной боли, сожалел только об одном дне. Сейчас, после глобальной катастрофы, было уже очевидно — то был совершенно особый день, день великого шанса — увы, навечно упущенного шанса. Этим шансом можно было воспользоваться. Должно было! Но по ряду причин, а в сущности, только лишь из-за своей глупой шепетильности и непростительной трусости он, Антон Петрович Брагин, не воспользовался.

Такой шанс — а это знают многие связанные с бизнесом, с крупным бизнесом, потерпевшим крах, — редко выпадает дважды. Те, кто умеет это понять, становятся богатыми и уже никогда больше никому не служат, а уезжают в Ниццу или на Карибы, покупают виллы на Ибике, яхты, самолеты, путешествуют, переезжая из одного всемирно известного отеля в другой.

Те, кто не умеет это понять, — что ж, они спокойно спят до определенного момента, потому что их совесть чиста и не запачкана подлогом, служат в компании, мечтают о прибавке жалованья, о карьерном продвижении, аккуратно являются на работу, выкладываются по полной и считают, что им, собственно, повезло, потому что у них вроде бы есть все, что причисляет их к серенькому среднему классу — без особых запросов, но, слава богу, и без долгов по кредитам.

Шанс был прост, как все великое и гениальное. И состоял он в том, чтобы ПРОСТО в один конкретный день — тот самый, конечно, — использовав служебное положение и возможности компании, весьма удачно сыграть ее акциями на бирже, заработать состояние, вывести его, опять же используя служебное положение, на счет в зарубежный банк, а затем спокойно вернуть компании то, что ей принадлежало. Схема была нехитрой, однако рискованной. Антон Петрович Брагин знал людей, которые в сходной ситуации рисковали и оказывались в мгновение ока в числе баловней судьбы. Но знал он и тех, кто рисковал и проигрывал, и ломал себе жизнь возбужденным по фактам мошенничества и подлога уголовным следствием и сроком в тюрьме.

Но дело-то было в том, что мошенничество и так было! — из-за него рухнул металлургический гигант, о нем трубили газеты, по поводу него ломали копья в суде защита и обвинение. Так что на этом фоне можно было бы... Не только можно, нужно было бы! И совесть — злой червяк — могла быть спокойной. Ну, хоть отчасти...

Но время, время — день тот великий, проклятый, пятница 17 августа, — было безвозвратно потеряно! А с ним и шанс, и схема биржевых торгов, и финансовый рынок, и конъюнктура, и метод временного изъятия части ценных бумаг и запуск их в оборот — все, что

с математической точностью было обдумано и просчитано в теории в тиши кабинета на девятнадцатом этаже, но так и не стало реальностью.

Время смыло ту пятницу — семнадцатое — вместе с великим шансом, вместе со всеми надеждами. Как море, время смыло и самого Брагина и выбросило его на берег уже никем и ничем — бывшим менеджером бывшей фирмы, получившим уведомление об увольнении «вследствие реорганизации компании и сокращения штатов».

С той поры навязчивой идеей и самым заветным желанием Антона Петровича — рационалиста и прагматика, технократа и управленца до мозга костей, никогда не проявлявшего никакого интереса ни к философии, ни к религии, ни к мистике, ни к оккультизму, стала идея об обратимости времени и способе вернуться в собственное прошлое, чтобы твердой рукой раз и навсегда исправить ту роковую, глупейшую ошибку. Все это, конечно же, было маниловскими мечтами — в полусне, на горячей влажной подушке, — он это отлично понимал, он же не был параноиком, но...

Порой объективная реальность, данная нам в ощущении, тихо звереет от своей вызубренной наизусть веры в собственную материальную непогрешимость и делает экстравагантный финт — оборачивается даже к самым отвязным рационалистам и прагматикам самой загадочной своей стороной.

Случилось так, что в жизни Антона Петровича Брагина произошли некие события, заставившие его поверить в то, что для исполнения его самого заветного желания — снова вернуться в прошлое, в ту самую пятницу — семнадцатое, — существует путь. И это стало для него огромным потрясением — сначала. А потом превратилось в цель, достичь которую следовало во что бы то ни стало.

Можно было относиться к этому как к знамению свыше: понятая упала в обморок, едва лишь переступила порог помещения, где начинался осмотр места происшествия.

Но начальник отдела убийств областного уголовного розыска Никита Колосов в знамения свыше не верил принципиально и отреагировал на инцидент сухо:

— Несите ее на воздух. Дайте ей нашатырь из аптечки. А сюда давайте другого понятого. И не барышню кисейную, а мужика.

Однако и новый понятой — водитель случайно проезжавшей мимо грузовой машины, остановленной оперативниками, сорокалетний здоровяк, грубиян и выпивоха, тоже отреагировал на увиденное на месте неадекватно: побелел как полотно и попятился назад.

— Ни хрена себе... мужики, да че ж это такое? Да этого быть не может. Как же это они... кто ж их так ухайдакал?! Мать моя командирша, меня ж щас стошнит! Как же это случилось-то, а?

Так и случилось. Никита Колосов был поставлен перед фактом: среди ночи его поднял с постели звонок дежурного по главку: на пороховом заводе в Скарятине — четыре трупа. «Четыре, Никита Михалыч, копейка в копейку, — крикнул молодчага дежурный. — Многовато».

Сообщение якобы поступило по телефону от охранника. Из местного отделения милиции на пороховой завод выехал наряд ППС и опергруппа. «От них сведения какие-нибудь уже поступили?» — спросил Колосов дежурного. «Да никаких. Вас туда немедленно требуют. Говорят, ситуация в этой сауне неопределенная — какая-то чертовщина там».

Уж так вышло, что в подмосковный поселок городского типа Скарятин Никита Колосов никогда за всю свою богатую практику не выезжал. В окрестностях бывал, и не раз, а вот само Скарятин лицезреть не доводилось. Поселок испокон веков обслуживал пороховой завод, бывший в оные времена режимным объектом. Но вот уже девятый год завод был закрыт на реконструкцию. А режимная зона вокруг него была отменена. Ехать в Скарятин предстояло к черту на кулички: сначала почти шестьдесят километров по шоссе через мост на Москве-реке в направлении Мамонова-Дальнего, а затем делать крюк по объездной дороге почти до самой границы области.

Колосов был готов к чему угодно, но увиденное весьма ощутимо полоснуло по нервам даже его.

Словечко «сауна», запущенное в оборот дежурным по главку, заставило его по дороге в Скарятин положить голову. При чем тут сауна, когда место, куда он направлен старшим опергруппы, — пороховой завод? Но оказалось все просто: часть более-менее еще пригодных для эксплуатации корпусов администрация завода сдавала в аренду под склады и торговые терминалы. А в помещении бывшего заводоуправления, фасадом выходившего на магистральное шоссе, открылось нечто вроде магазина автозапчастей пополам с игорным заведением. И тут же в отдельном одноэтажном флигельке предприимчивые арендаторы оборудовали коммерческую сауну. Приземистый флигелек был крыт красной металлочерепицей и обшит сайдингом — все вроде чин чинарем, по-европейски. Но на фоне угрюмых облученных корпусов бывшего порохового завода эта еврохибарка производила какое-то странное, нелепое впечатление.

Когда Колосов прибыл на место, было почти четыре часа утра. У флигелька стояло не меньше десятка патрульных машин. Синие «мигалки» их вспыхивали

синхронно — как грозовые зарницы. Чересчур яркая для такой глухомани световая реклама «Игровые автоматы Супершок», радугой переливавшаяся над входом в бывшее заводоуправление, окрашивала предутренний сумрак в какие-то совершенно фантастические, марсианские тона. И было как-то необычно тихо. Возможно, потому, что местная ГИБДД предусмотрительно перекрыла шоссе, ведущее к заводу, направляя редкий ночной транспорт в объезд.

Над входом в сауну Колосов прочел лозунг: «Добро пожаловать, с легким паром!» Сбоку на бумажке было вывешено расписание работы и условия аренды сауны «отдельными клиентами и корпоративными группами».

«Добро пожаловать!» — Колосов повторил про себя это стебное пожелание, хмыкнул и вместе с бригадой экспертов ЭКУ и патологоанатомом прошел внутрь. На первый взгляд внутри все было уютно и очень даже мило — стены, пол, потолок обшиты светлым деревом. Передняя, холл-предбанник с кожаными диванами, телевизором и холодильником. Верхний свет погашен, горят только красные бра, создавая сонный интим. На узких окнах — ажурные решетки и глухие жалюзи. На полу, на диванах — спортивные сумки и ворох мужской одежды. Тут же четыре пары модных стильных кроссовок разного размера. На широком низком столике возле диванов — бутылки с минеральной водой, сок в пакетах и никакого алкоголя — ни водки, ни пивных бутылок. Нет и закуски. В одной из спортивных сумок, поставленной посреди комнаты, — пластиковые бутылки без этикеток с прозрачной жидкостью — вроде обыкновенная вода. Об эту сумку едва не споткнулся близорукий патологоанатом.

— Что это? — спросил он удивленно. — Зачем с собой в баню кому-то потребовалось взять такое количество воды?

Это была первая деталь, которая...

В общем, которая заставила Колосова задуматься, что же, собственно, они все наблюдают здесь, на месте этого происшествия? И что это увиденное означает на самом деле?

Из холла-предбанника можно было пройти прямо в сауну-парилку. Воздух здесь до сих пор дышал жаром, но сама парилка была пуста. Фактически она была проходной — из нее можно было либо вернуться в предбанник, либо, открыв тугую дверь в углу, попасть в просторную душевую. Порог душевой первым переступил Колосов и... замер потрясенный. Сзади напирали члены опергруппы, стремившиеся быстрее покинуть парилку, где нечем было дышать. Вот в этот самый момент, когда все застыли на пороге между жаром и прохладой, распространяемой бассейном, занимавшим центр душевой, бедная понятая, испуганно вскрикнув, и рухнула без памяти на кафельный пол. Стоявший рядом с ней опер даже не успел ее подхватить — как и все, задрав голову, он смотрел на то, что висело под деревянным потолком над самым бассейном.

Четыре голых мужских трупа в петлях. Концы веревок перекинута через толстые трубы вентиляции, пересекавшие потолок. Голые ноги повешенных почти по щиколотки — в воде бассейна.

Колосов смотрел на багрово-синюшные лица мертвецов — в них не было уже ничего человеческого. Подбородок одного из повешенных был густо вымазан застывшей кровью, что придавало ему сходство с упырем, вернувшимся с ночной охоты.

— Да, картина, — шепнул один из экспертов, щелкая цифровой камерой. — Как же это их так сумели повесить? И как нам теперь их оттуда снимать? Опереться-то не на что — вода!

Колосов вздрогнул и перевел взгляд на темную гладь бассейна. Да, свидетелем такой картины он был впервые. Голые тела отражались в воде белыми бесформен-

ными пятнами. Бассейн был невелик — как раз по меркам сауны, примерно три на четыре метра. Выложенные белым кафелем стены, дно. Сбоку лестница — спуск — и что-то темное, громоздкое в воде у противоположного борта. Колосов, не отрывая глаз от повешенных, обогнул бассейн, нагнулся — на воде слабо покачивалось что-то похожее на резиновый плот. Он не сразу понял, что перед ним надувная кровать-матрас из тех, что рекламируют в телемагазине.

Послышался шум снаружи — это к сауне подогнали пожарную машину. Пожарные и милиционеры ППС тащили раздвижные лестницы-штурмовки. Однако потребовалось не менее часа и недюжинная акробатическая ловкость, чтобы при помощи этих штурмовок, удерживаемых на самом краю бассейна, добраться до тел и осторожно обрезать веревки, не повредив при этом ни петель, ни крепких, весьма причудливой формы узлов.

И вот на кафельном полу перед Колосовым в ряд, как солдаты, лежали четыре трупа.

— Да, хоровод нам с этим десантом с того света предстоит еще тот, — констатировал судмедэксперт.

И точно — хоровод с удавленниками в остывающей сауне бывшего порохового, а ныне никакого завода Колосов запомнил надолго.

Мертвецы все были как на подбор крепкие молодые ребята лет этак двадцати: белокожий блондин ярко выраженной славянской внешности, рыхлый толстячок-шатен с несоразмерно развитым для парня тазом и толстыми ляжками, щупленький брюнет-коротышка и четвертый — наголо бритый, мускулистый, но на криминальную личность похожий мало — тот самый, прикусивший в жестокой агонии собственный язык.

— Морг-шапито, да и только, — снова резюмировал судмедэксперт, заботливо склоняясь над мертвецами. —

Поди ж ты, сколько за один раз. — Он начал осмотр. — Ну-ка, Никита Михалыч, взгляните-ка сюда.

Уже через двадцать минут вахтового осмотра с Колосова градом лил пот. Пришлось скинуть хлопковую толстовку, остаться в футболке. Бассейн в центре душевой манил прохладой, но при одном взгляде на эту воду Колосова пробирала дрожь. А взгляд уже скользил по бортам, по облицованным белым кафелем стенам душевой вверх и каждый раз упирался в вентиляционные трубы. Душный спертый воздух хранил запах нагретого камня, смолистого дерева, дорогого мыла и пота, но вместе с парами сауны в нем словно витало что-то грозное, нечистое — скрытый смертельный вирус, которым не дай бог заразиться.

— Давность смерти всех четверых одинаковая, составляет примерно шесть часов, — констатировал судмедэксперт. — Все произошло около полуночи. Сами видите, Никита Михалыч, у всех потерпевших ярко выраженные странгуляционные борозды на шее. Вот у этого, — он указал Колосову на шатена, — судя по всему, перелом гортани. Возможно, и у остальных повреждения аналогичные — переломы гортаней и подъязычных костей. Это покажет вскрытие. Но уже сейчас могу с большой долей вероятности сказать — у всех четверых налицо признаки механической асфиксии прижизненного происхождения.

— Что же их, Василь Василич, по-вашему, всех четверых одновременно вздернули? Если давность смерти у всех одинаковая, — вмешался один из экспертов-криминалистов.

Судмедэксперт Василь Василич взглянул на молчавшего Колосова:

— А ваше мнение, коллега?

Колосов смотрел на трупы: кроме глубоких странгуляционных борозд в области шеи и прокушенного языка, у потерпевших не было никаких иных телесных

повреждений. В ходе долгого осмотра они не обнаружили ничего — ни ссадин, ни кровоподтеков, ни порезов. У блондина славянской внешности на левом предплечье имелась татуировка, рисунок которой показался Колосову довольно странным — ничего общего с обычным набором тюремных картинок или сюжетами, предлагаемыми салонами татуажа.

— Ну так каково ваше мнение, Никита Михалыч? — тихо повторил вопрос судмедэксперт. Он явно просил подтверждения выводу, который для него был уже почти очевидным.

— Непохоже, чтобы их кто-то вздергивал, — хмуро сказал Колосов. — Взрослые парни. Никто их не бил, не связывал — никакого физического воздействия на них не оказывалось.

— Внешне никаких следов. Но, может, вскрытие даст иные результаты. — Судмедэксперт снова склонился к телам. — Запаха алкоголя ни от одного из потерпевших не чувствуется.

— Полагаете, что всех их довели до беспомощного состояния и потом убили? — спросил эксперт-криминалист. — Но как технически это могло быть выполнено? Как они не утонули в бассейне?

— Наличие воды в легких установит или опровергнет вскрытие. — Судмедэксперт пожал плечами. — Но я вообще не наблюдаю никаких визуальных признаков того, что они находились в бессознательном состоянии. Напротив — обратите еще раз внимание на характер странгуляционных борозд, на следы, которые оставлены на шеях всех четверых узлами веревок. По крайней мере, по этим следам с большой долей вероятности уже сейчас можно утверждать, что тела всех четверых потерпевших в момент наложения петель находились в вертикальном положении.

— То есть вы хотите сказать — все они стояли? Это где ж это? Здесь, в бассейне? — хмыкнул эксперт-кри-

миналист. — Но это невозможно. Хоть бассейн и неглубокий — это невозможно.

— Никита Михайлович, а вам не кажется, что... — Судмедэксперт не договорил, словно опять не решаясь произнести вслух свою версию происшедшего.

— Василь Василич, вы помните дело Гуридзе? — спросил его Колосов. — Инсценировка самоубийства в Ногинске?

— Конечно, помню. Чистейшей воды была инсценировка. Его избили, задушили шнуром от видеомонитора, а потом уже повесили на люстре, инсценируя суицид. Нами были зафиксированы множественные гематомы в области грудного отдела, брюшной полости и...

— Этот Гуридзе, он ведь по комплекции своей был примерно как вот этот? — Колосов указал на бритоголового мертвеца.

— Да, пожалуй.

— И весьма активно сопротивлялся.

— Без сомнения. Когда его пытались удушить шнуром. Побои были нанесены в ходе драки его убийцей, чтобы полностью подавить сопротивление.

— А дело Павловой из Столбов помните?

— И его помню. Мрак крошечный. — Судмедэксперт поморщился, словно укусил что-то кислое. — Мать сначала утопила в ванне своего двухлетнего ребенка, а потом повесилась на балконе сама. Там никаких следов физического насилия на ее теле обнаружено не было. Типичнейший суицид.

— Тут у нас тоже следов нет ни на ком. — Колосов смотрел на тела. — Каков же вывод?

— Ну, аналогия не слишком-то убедительная...

— И все же?

— Я же вам говорю: мне тоже кажется, что это коллективное самоубийство, — как бы нехотя буркнул